

Самуель Ричардсон

ИСТОРИЯ СЭРА ЧАРЛЗА ГРАНДИСОНА,
БАРОНЕТА.

/перевод с английского Л.Большова/

Издатель нижеследующих писем берет смелость заметить, что с их публикацией, полное завершение которой составляло скорее предмет вожделений, чем надежд, замысел его полностью выполнен.

Первое сочинение, выпущенное под названием Памела, изображало красоту и превосходство добродетели, воплощенной в невинной и совсем юной душе, получающей вознаграждение, которое подчас еще в этой жизни ниспосылается хранительным Провидением как дар великодушию.

Молодая женщина, занимающая скромное положение в обществе, рассказывает своим родителям о перенесенных ею суровых испытаниях на службе у хозяина, который вместо того, чтобы сделаться ее защитником, выказал свой распутный нрав, стремясь насильственно овладеть ею. Этот человек, однако, носивший в себе скрытые семена праведности, еще в молодые годы зароненные в его душу матерью, под влиянием своего чувства к милосердной молодой женщине, находясь во власти ее кроткого дружелюбия и бесконечного терпения (когда она сделалась его женой), в конце концов, совершенно преобразился.

Вторая книга — Кларисса, развертывала перед воображением более печальное зрелище. Барышня знатного происхождения, рожденная в счастливой доле при самых благоприятных предзнаменованиях, становится жертвой бедственных неудач, которые приводят ее к преждевременной смерти; эта книга заключала в себе предостережение родителям, благосклонно разделяющих желание детей поторопить жизнь; и детям, в свойственном их возрасту доверии к благороднейшим заверениям и клятвам человека, лишенного всяческих принципов. И, тем не менее, героиня, как подлинная христианка, обнаруживает свое превосходство над посланными ей испытаниями: ее сердце, не утратившее глубокого благородства, оказывается выше постигших ее невзгод, радуясь приближению блаженной вечности. Ее жестокий губитель даже в

минуту удачного завершения своих низких проделок, вызывает омерзение и разочарование, но тем не менее (обманутый самодовольством и ложной значительностью) он пытается после каждой вспышки своего ущербного и ужасающего заблуждения, еще более утвердиться в собственной правоте покуда, чуждый раскаянию, перед лицом поразительных, неоднократно посылаемых предостережений, не гибнет бесславно в расцвете лет и уже, сходя в могилу, испытывает ужас вины и бесплодных мук совести. Надо полагать, что его письма предоставят много полезных уроков той беспечной прослойке человечества, которая склонна злоупотреблять своей ловкостью, дарами молодости, наружным блеском удачливости, не смотря на то, что все это может обернуться проклятием их жалкому обладателю, равно как и окружающим его почитателям.

Здесь Издатель почувствовал, что ему надлежит оставить свою деятельность как вследствие пошатнувшегося здоровья, так и по причине множества побочных обстоятельств, требующих его безотлагательного внимания.

Тем не менее, ему пришлось уступить настойчивым желаниям некоторых лиц из числа его ближайших друзей, которые были убеждены, что он располагал возможностью вывести перед лицом общественного мнения характер и поступки человека истинной чести.

Он нашел в себе силы пронести до конца и это, возложенное на него дружбою бремя и осуществить его первый творческий замысел, связанный с вышеозначенным предметом. Теперь настало время предстать публике под именем сэра Чарлза Грандисона образ человека, наделенного способностью сохранять неизменное постоянство в череде всевозможных житейских испытаний, благодаря чему все его поступки приобрели тот особый отпечаток, который является свидетельством устойчивой нравственности. Человек религиозный, наделенный способностью творить добро, вносящий живость и одушевление в общество, превосходно воспитанный и приятный в обращении, обретший счастье в самом себе и доставляющий радость окружающим.

Всё вышеизложенное позволяет, кажется, предположить, что это новое сочинение даже в большей мере, чем два прешествующих, не предназначено исключительно для увеселения и развлечения. Оно имеет цель куда более возвышенную. Тем не менее, разнообразие характеров и разговоров, явившихся неизбежным

элементом обширной переписки, составляющей содержание этих томов, внесет в повествование необходимое оживление, несколько не уступающее занимательности общих рассуждений с их склонностью к поучению, тем более, что корреспондентками явятся молодые дамы, чье изысканное образование и тонкость манер счастливо согласуются с исполненной жизни душевностью.

Природа интимной переписки, чье содержание приурочено к известному моменту, в то время, когда сердце, возбужденное надеждами и опасениями, томится в неизвестности, сама по себе вполне оправдывает обширность произведений, подобных этому. Разумеется, события и характеры могут быть вправлены и в более тесную раму повествования, но не утратят ли они в этом ~~случае~~ случае тот особый интерес, неразлучный с простором удачно выбранной формы? Главному действующему лицу очень повезло, что очерк его юных лет, заключенный в нескольких письмах, в сущности, отмечен признаками повествовательного жанра. Заметим, однако, что все не идущие к делу излишества, были опущены. Во всем романе, если не принимать в соображение деталей, касающихся самого сэра Чарльза Грандисона, нет ни одного эпизода, ни одного письма, которые тем или иным образом не содействовали бы стремлению осветить и выявить его основной замысел. Мы надеемся, что подробности, которые, видимо, нарушают пределы строгой целесообразности повествования не станут предметом порицания, ибо их присутствие позволит читателю познакомиться с лицами, чьи судьбы оказались тесно переплетенными с жизнью сэра Чарльза.

Письмо I. Мисс Люси Сэлби Мисс Харриет Байрон

январь 10.

Ваше решение сопровождать миссис Ривес в Лондон чрезвычайно встревожило трех Ваших друзей и, по меньшей мере, двое из них сочтут необходимым поставить Вас в известность об этом.

М-р Гревилл, с присущей ему непоколебимостью, угрожает отправиться вслед за Вами, по его словам он намерен следить за действиями каждого мужчины, который попытается подойти к Вам, и в случае необходимости он заблаговременно уведомит та-

кого мужчину о своих видах и о той опасности, которой он может подвергнуться, если вздумает выступить в роли соперника. Мр.Фонвик заявил в менее решительных выражениях, что он последует за Вами в город, если Вы останетесь там более двух недель. Добрый Ортм вздыхает, охваченный дурными предчувствиями и надеется, что Вы, быть может, перемените Ваши намерения.

Если Ваше решение осталось неизменным и отъезд моей кузины Ривес совершится в предположенный срок, умоляю, дайте мне знать об этом, дабы я могла проводить Вас до моего дядюшки Сэлби, пожелать Вам доброго пути, всевозможных развлечений в городе, хорошего здоровья и благополучного возвращения. Моя сестра, бедная девочка, все еще очень слаба, но несмотря на болезнь уверяет, что ввиду столь исключительного обстоятельства, сможет обойтись некоторое время без моей помощи. Я не буду настаивать, чтобы Вы посетили нас. Я знаю, что ее положение может слишком сильно опечалить Вас. Мр.Гревилл только что ушел от нас. Он явился как раз в ту минуту, когда мы собирались обедать. Моя бабушка, Вы ведь знаете, всегда восхищается его шумным великолепием. Она уговорила его отобедать с нами. Все его речи были только о Вас. Он повторил свои прежние угрозы (именно так я определила эти высказывания в разговоре с ним), касающиеся Вашей поездки в город. После обеда он читал нам письмо от леди Фрамpton, в котором она интересовалась Вами. Он прочел нам также несколько пассажей из черновика своего ответа, как я предполагаю с тайным умыслом возбудить во мне желание, чтобы он оставил этот черновик у нас. Я именно так и поступила, попросив его об этом. Он попытался разыграть сомнение, говоря о Вашей решимости, но это была слабая игра. Пошлите мне записочку с посыльным, если день Вашего отъезда не изменился. До свидания, моя ненаглядная Харриет. Мои Ангелы будут хранить и сопровождать Вас повсюду, куда бы Вы ни поехали.

Люси Сэлби.

ПИСЬМО II

Мр.Гревилл леди Фрамpton.

(Вложено в предшествующее).

Январь 6.

Ваша милость требует описания особы, прославившейся в нашем соседстве под именем мисс Байрон. Вы желаете знать, правди-

вы ли слухи, зачислившие меня в ряды ее восхищенных почитателей? Ни один человек не обладает большим чувством красоты, чем я. До знакомства с мисс Байрон я был одним из тех, кто рассматривал отношения между полами именно таким образом.

В самом деле, я полагал, что всякие умствования совершенно бесполезны или даже неуместны в женщине. Ваша милость знает мои убеждения на этот счет и часто порицала меня за них. Я воспринимал высокоумную, ученую даму как нечто весьма ненатуральное. Женщина, думал я, это царство любви и ничего более. Мне представилось, что ее мыслительные способности должны быть ограничены умеренным благоразумием, с чьей помощью она могла бы отличить умного мужчину от глупца, и, конечно, я в первую очередь думал здесь о себе. Прелесть души должна светиться в чертах лица; скажите, каково оно должно быть у тех, чья душа прекрасна? Я не встречал женщины с более тонким, сдержанным характером. Ей только что минуло двадцать, но на вид нельзя дать более семнадцати. Ее красота, едва ли достигшая полного расцвета, находится на пути к дальнейшему совершенству, что вряд ли, как мне кажется, бывает при более раннем цветении.

И наряду с этим царственным великодушием, которое так явно проступает в ее чертах и манерах, во всем, что она говорит и делает, заключается столько естественного достоинства (в соединении с искренней прямоотой, обнаруживающей ее превосходство над сердцами всех остальных женщин), что это укрощает и пресекает в самом начале дерзновенные намерения самых отъявленных ее преследователей.

После всего сказанного сможет ли Ваша милость сомневаться в утвердительном ответе на вопрос о том, действительно ли я оказался в числе завербованных любовью восхищенных поклонников. Да, это так. И черт меня побери, если я в состоянии помочь себе сам. И тем не менее, несмотря на отсутствие всего, что могло бы воодушевить, ободрить меня, я утешаюсь сознанием равенства, существующего между соперниками, Фенвик, возможно, увяз даже глубже, чем я. Мы познакомились, как Вам известно, во время прогулок на весельном катере и благоприятный случай сделал нас закадычными друзьями. Каждый из нас испытывает свою фортуна, вооружась терпением и настойчивостью, будучи уверен,

что его положение ничуть не лучше, чем у соперника. Однако, позвольте мне здесь воздать, ~~мисс~~ мисс Байрон по справедливости: как она добивается этого я не знаю, но у всех остается впечатление учтивой обходительности; ни один мужчина не мог бы обвинить ее в гордости и бессердечии. Всё, чего я боюсь, связано с тем, что обладая столь невозмутимой уравновешенностью, она вряд ли сможет найти в своем сердце место для предпочтительной привязанности. Это может произойти лишь после встречи с таким человеком, чье сердце по своей безупречности будет близко к ее собственному и чьи внутренние достоинства и поступки поколеблют ее благоразумие, позволив ей даровать ответное чувство.

Ей еще не было и восьми, когда умерла ее мать. Она также была замечательной женщиной. Ее смерть явилась следствием глубокой скорби после потери мужа, который умер шестью месяцами ранее. Бабка и тетюшка, по отношению к которым девочка была преисполнена глубочайшего послушания, никогда не вмешаются в ее выбор. Если к ним обращаются с просьбой повлиять на девушку в пользу соискателей, то ответ бывает постоянно один: когда вы заслужите благосклонность Харриет, то за нами дело не станет. Здесь следует упомянуть еще о М-ре Дине, человеке с превосходным характером, как нельзя более подходящим к его профессии адвоката; тем не менее, он вынужден был оставить практику, вступив во владение изрядным состоянием. Он был крестным отцом девочки. Влияние его оказалось безграничным. Харриет зовет его папой. Я попытался заговорить с ним, но его ответ был точно такой же: его дочь Харриет должна сама сделать свой выбор. Любые действия, связанные с этим предметом должны в первую очередь исходить от нее. Неужто я обречен на поражение от нее самой? И, ее Гревилл, человек далеко не презренный, обладающий свободными и непринужденными манерами, располагающий хорошим состоянием и еще более прекрасными видами на будущее, умеющий одеться и носить платье, не лишенный голоса, а также известной ловкости в танцах, пользующийся среди женщин репутацией умного человека. Этой девушке уже двадцать лет. Ее доход составляет не более десяти-пятнадцати тысяч фунтов ежегодно. Значительная доля состояния ее отца, за неимением наследников по мужской линии, утрачена для нее безвозвратно: вдовья часть ее бабки составляет всего лишь пятьсот фунтов в год. И хотя

ее дядя Сэлби не имеет детей и обожает ее, но он окружен собственными племянниками и племянницами, которых он тоже любит, а Харриет приходится ему племянницей только со стороны жены. Я не отчаиваюсь. Если решимость и настойчивость чего-нибудь стоят, и если она действительно женщина, — она будет моей. Именно так я сказал ее тетке Сэлби, а также и ее дядюшке; то же самое я повторил мисс Люси Сэлби, ее кузине, как она сама ее называет, и которая заслуженно пользуется ее особым расположением. Наконец, я ни один раз высказывал ту же мысль самой Харриет.

Но теперь надо приступить к описанию ее особы.. Пропади я совсем, если знаю с чего тут следует начать. Ее сложение? Да, пожалуй, именно с этого. Нельзя сказать, чтобы она была высока; скорее всего, у нее средний рост. Цвет ее лица восхитительно прекрасен и чист. Я настолько глубоко был пленен им, что внезапно вообразил, будто созерцаю живоносные струи крови, разносимые по отчетливо голубеющим, слегка проступающим под кожей артериям. Ее открытый лоб, сформированный с такой благородной свободой, свидетельствует о достоинстве и умеренности, внушая единственный в своем роде благоговейный страх, который я едва ли сумею передать. Каждый штрих ее портрета, взятый в отдельности, способен противостоять самому привередливому исследованию, а ее лицо и шея столь восхитительно посаженная на великолепные в своей соразмерности плечи, — пусть я не встану живым, если еще когда-либо мне приходилось видеть более безупречную красоту. Но, что более всего трогает в ее неповторимом облике, так это та особая грация, которую мы называем необщим выражением: даже если бы черты и цвет лица были бы у нее не таковы, какими я их изобразил, то одна лишь эта грация, эта душевная прелесть, просвечивающая сквозь ее милый облик, в соединении с летучим изяществом движений, могла бы очаровать всех, кто ныне является свидетелем ее совершенства. После всего сказанного стоит ли заниматься более мелкой отделкой портрета? И тем не менее, ее рот, ее нос, ее глаза, волосы, руки, — клянусь душой, мадам, я не нахожу слов, достаточно сильных, чтобы описать их.

Ее руки — это предел совершенства. Какие *à* пальцы! И они привычны к перу, игле, клавесину. Превосходство во всем! О,

мадам, женщины имеют душу. Теперь я убежден, что они имеют ее, хотя я имел дерзость в споре с Вашей милостью усомниться в этом. А ведь я еще не видел, как она танцует! Не слышал, как она поет! Но для меня несомненно, что ее душа и тело пребывают в гармоническом слиянии. А что касается начитанности и приобретенных познаний, то может ли кто из столь же молодых дам сравняться с нею? Вам ведь известен характер ее деда Ширли. Он был человеком универсальной учености и, будучи за границей, на поприще общественного служения, проявил себя не только в политике, но и в сфере наук. Он поселился в Англии, когда девочке исполнилось семь лет и до четырнадцатилетнего возраста до самой его кончины она была его утешением. Ее воспитание и обучение явились живейшей радостью, заполнившей его свободное время. Он не обременял ее молодые силы тяжелым трудом освоения мертвых языков, но зато итальянским и французским она овладела в совершенстве. Что же касается ее обычного воспитания, то здесь в равной мере сказались заслуги его жены, ее бабки, а также ее тетушки Сэлби, сестры ее отца, женщины, чьи достоинства не уступали талантам других родственников. В частности, ее бабушка, отличаясь необычайной набожностью, в то же время известна как самая веселая и жизнерадостная женщина. Так, например, она говорит, что никогда не позволит своей внучке Байрон, ради ее собственного удовольствия жить вместе с нею потому, что в обществе М-ра Сэлби девочка почерпнет куда больше утешения, чем проведя время с Ширли Манор; и она опасается, что при столь серьезном складе ума, созерцательная жизнь в доме бабушки может сообщить восприятиям внучки большую самоутружденность, чем это было бы желательно для молодой особы. "Молодость, — повторяет она, — время бодрости и веселья. А что касается собственно бабушкиного благополучия, то она воспринимает общество Харриет, как избыточную радость сердца, праздник, которым она всегда может утешиться, ибо внучка живет недалеко, и когда у нее появляется желание приласкать или угостить ее, то она либо посылает ей подарок, либо приглашает ее, а то и навещает сама М-ра Сэлби. Один счастливый день, проведенный с нашим ребенком, увенчавшим союз сердец ее покойных прекрасных родителей, является для меня, я надеюсь, самым лучшим лекарством. Если бы это было не так, то мне пришлось бы

избавить ее от своего общества".

Стоит ли упоминать, мадам, какой труд пришлось мне вынести для того, чтобы изобразить особу этой достойной восхищения женщины? Но здесь я должен остановиться. Ужасное предчувствие овладевает мной. Быть может, я воспел будущую жену другого человека, которая никогда не станет моею? Здесь гостит ее кузина, мистрисс Ривес, — прекрасная лондонская дама, которая, уезжая, (таково уж проклятое влияние моих несчастливых звезд) забирает Харриет с собой для того, чтобы ввести ее в этот блестящий и беспутный мир. Женщины! Женщины! — Я прошу прощения у Вашей милости, но какой ангел двадцати лет от роду устоит против искушений тщеславия? Как только она явится там, — ее превознесут: звезды и люди, украшенные чинами, будут толпиться возле нее, и кто знает, насколько сильно прельстит ее неверный блеск презренного венка, ее, достойную императорской короны! Но горе тому человеку, кто бы он ни был, чьи дерзкие намерения (пусть даже подкрепленные надеждой) встанут на пути самого покорного и истинного слуги Вашей милости.

Джон Гревилл.

ПИСЬМО III

Мисс Байрон мисс Сэлби

Вторник, янв. 24

Мы только что приехали. Наше путешествие было очень приятным. Вряд ли стоит говорить, что М-р Гревилл и М-р Фенвик сопровождали нас до первой станции, где кормили лошадей и где их заботами нас ожидал настоящий светский обед: джентльмены расскажут Вам об этом со всеми подробностями. Они оба возобновили свои угрозы приехать в Лондон, если я останусь там свыше месяца. М-р Фенвик в самых патетических выражениях, как только случай оставил нас наедине, умолял меня даровать ему любовь. М-р Гревилл с глубокой мрачностью заявил, что я — ненавижу его. Это человек с необыкновенно причудливым характером. Два джентльмена были полны решимости сопровождать карету дальше. Но я с непритворной серьезностью попросила их оставить нас. Когда мы уселись, чтобы продолжить путь, М-р Гревилл сказал:

"Фенвик, мы должны вернуться; мисс Байрон не шутит". И с величайшей почтительностью они расстались со мной, предварительно добившись, чтобы я подала им руку и пожелала всего наилучшего. Я протянула каждому свою руку. "Желаю вам всего наилучшего, джентльмены, — сказала я, — примите мою признательность за ту заботу, которая принудила вас сопровождать меня столь значительное расстояние, и в особенности за то, что вы были настолько любезны, чтобы попрощаться здесь со мною".

"Почему, дорогая мадам, Вы сочли уместным вставить это слово "особенно"? — спросил М-р Гревилл.

Бедный М-р Орм! При отъезде карета, как Вы знаете, должна была проехать мимо ворот его сада. Это был он, на самом краю дороги. Я увидела его только в тот момент, когда карета поравнялась с ним. Он поклонился почти до самой земли и его лицо было безутешно! — Бедный М-р Орм! Мне хотелось сказать ему хотя бы одно словечко на прощанье, но карета пронеслась так стремительно, что я успела только наклониться из окошка и помахать ему рукою.

"О, мисс Байрон, — сказала Ривес (так сказала мистрисс Ривес) — М-р Орм — счастливый человек!"

"Мне пришла в голову такая же мысль, — отвечала я. — И хотя у меня не было намерения разговаривать с ним, но единственное, что я была бы рада сказать ему заключалось в словах: "До свидания, М-р Орм", так как М-р Орм — хороший человек."

Но, Люси, мое сердце было так размягчено при расставании с моими дорогими родственниками и друзьями; а когда сердце делается податливым, светлые впечатления ложатся слишком глубоко.

Дом моей кузины вполне соответствует их достатку. Он убран богато и со вкусом. Мистрисс Ривес, зная мое пристрастие к бумагоморанию, позаботилась приготовить множество перьев, бумагу и чернила. Она охотно оставила меня одну в отведенной мне комнате, чтобы я смогла со всей пунктуальностью, свойственной моему послушанию, выполнить наказания моих друзей при расставании. Вы ведь знаете, что с меня взяли слово написать тотчас по прибытии сюда. Но, право, в столь ранний час писать еще не о чем. Моя комната чрезвычайно элегантна. Однако, из всей обстановки мне больше всего нравится изящный книжный шкаф. Я испрашиваю благословения у Вас, моя дорогая, глубоко чтимая

бабушка, моя, всегда снисходительная тетушка Сэлби, а также и у Вас, мой почитаемый и столь же любимый дядюшка.

Не оставляйте меня своей любовью, моя Люси, я же всегда буду стараться быть достойной ее. Напишите, как чувствует себя дорогая Нэнси.

XXXXXXX

января, 25.

Вы обрадовали меня, дорогая, сообщив о тех надеждах, которые д-р Митчелл из Лондона счел возможным высказать относительно нашей Нэнси. Быть может, наши непрестанные молитвы о восстановлении ее здоровья будут услышаны. При отъезде моя тетушка и Вы от имени каждого из моих друзей наказывали мне соблюдать три главные пункта. Во-первых, писать как можно чаще, — таковы были Ваши слова. В этом предписании не было необходимости! Мое сердце с вами; и хорошие известия о здоровье моей бабушки и нашей Нэнси еще более воодушевляют его. Во-вторых, подробно описывать личность и характер тех людей, с которыми я пожелаю завести знакомство в этом большом городе. И, в-третьих, вы взяли с меня слово, что я буду осведомлять вас о каждом случае зарождения интереса, даже если этот интерес выразиться в безгласной и почтительной форме (таковы были ваши слова), который девушка, столь щедро пользующаяся Вашей любовью и милостью, может вызвать, приобщаясь к жизни этого города.

Вы, наверное, помните, что ответил на это мой дядюшка?

"Тщеславие слабого пола, — сказал он, — не способно вынести ничего такого, что могла бы избежать Харриет, и от чего она была бы свободна. Женщины, — продолжал он, — вращаясь в обществе, обещенивают себя и поэтому спрос на новые лица всегда преобладает над интересом, который возбуждают красавицы, уже примелькавшиеся в свете. Харриет наделена врожденным благородством, безыскусной прелестью природного цветения и, разумеется, она может привлечь к себе внимание как новичок. Но с какой стати вы забиваете ее голову надеждами на какие-то завоевания и победы? Везде, где собирается общество, — продолжал он, — женщины выстроившись рядами словно на рыночном торжище, предлагают сами себя. Из-за того, что в наших местах завелись три или четыре пройдохи, которые подобно дельцам на аукционе, набавляют

цену на женские прелести, вы полагаете, что Харриет уже не способна будет покинуть какое-либо собрание, не увеличив числа своих воздыхателей". По всей вероятности, мой дядюшка руководствовался именно этой мыслью, когда он сказал в заключение, что моя бедная голова не устоит, опьяненная упованиями, которые неумеренно расточаются пристрастием друзей. Конечно, это верно, моя Люси, что мы, молодые женщины, слишком склонны обольщаться знаками восхищения, принимая их от противоположного пола.. Но я всегда старалась оградить себя от неумной и напыщенной гордости, вызываемой этими похвалами, вооружившись ясным пониманием, что лесть — порочная слабость мужчин, что они намеренно ищут возвысить нас для того, чтобы потом заставить пасть как можно ниже; и в конце концов, вознести самих себя над развалинами чужой чести, которую они надеются превратить в источник своего вдохновения; что скромная сдержанность, подобно благородному цветочку является самым лучшим украшением женщины высшего круга; что женщина раздуваемая от мужских похвал, превозносящих ее предполагаемые добродетели, сама стремится в расставленную ловушку, полагая, что восхищение другого пола, — это и есть то самое, ради чего стоит жить; а между тем именно это и придает мужчине вес в собственных глазах и до крайности умалает нас самих. Разве душа женщины не такова, как у мужчины? Разве они, эти души не в состоянии достигнуть столь же благородной глубины? Разве вследствие этого они не должны заботиться о совершенствовании, не ограничивая свою жизнь более низменными интересами? Красота цветет недолго, и разве не должна женщина овладевать теми возможностями, которые облагородят ее и в более поздние годы? И тогда она приобретет ту же мудрость, станет столь же почитаемой как моя бабушка. Да, она являет пример для нас, моя дорогая. Кто пользуется большим уважением у старых и молодых, чем моя бабка Ширли? Теперь, во исполнение вашего второго наказа, я опишу некоторых молодых дам и джентльменов, которые засыпали моих кузин комплиментами, едва те прибыли в город. Одна из них, мисс Аллестри, дочь сэра Джона Аллестри. Она очень хорошенькая, обладает приятной мягкостью манер, легкая и свободная в обращении. Мне кажется, я люблю ее. Мисс Брамбер не столь хороша собой, но приятна и мила. Пожалуй, немного болтлива. Даже когда она молчит, кажется, будто ее мысль занята какой-то

важной темой, хотя круг ее словесных упражнений охватывает не более двух-трех предметов и этим исчерпывается. Но, быть может, радость встречи с новыми друзьями сделали ее столь словоохотливой. Если так, примите мои извинения, прекрасная мисс Брамбер!

Мисс Салли, ее младшая сестра, очень благожелательна и чрезвычайно умеренна; но по сравнению с живостью старшей сестры, она кажется более сдержанной. Между ними разница в шесть или семь лет. Мисс Брамбер в своем обращении с сестрою по-видимому желает все время подчеркнуть, что та осталась такой же девочкой, как два-три года тому назад! Мисс Салли еще не исполнилось и семнадцати.

Это, что касается дам.

Из двух джентльменов, прибывших вместе с нами, одного зовут М-р Барнет. Он племянник леди Аллестри; его спутник — М-р Сомнер. М-р Сомнер — молодой джентльмен, недавно вступивший в брак. Очень аффектирован и весьма самоуверен. Его жена, кажется была молодой вдовой с большим состоянием. И покуда в их отношениях существовали искренние супружеские чувства, он стремился проявлять себя как скромный, добропорядочный молодой муж. Но теперь он болтлив, развязен, дерзок и все его помышления связаны с прекрасным полом. И что хуже всего, он несколько не оправдал оказанного ему женой предпочтения, ибо отличается теми же слабостями, что и она.

М-р Барнет относится к тому разряду молодых людей, которые в моем представлении навсегда останутся юнцами. Вначале я подумала, что это просто фат. Он с аффектацией говорил о некоторых предметах, которые несмотря на их банальность, претендовали на род некоего поучения и создавали впечатление, будто рассказчик извлекает уроки из своей наблюдательности; но при этом он пользовался умудренностью и опытом окружающих его людей, когда же он остался один, то понес такую дичь, которую никогда бы не выговорил человек, обладающий обыкновенным здравым смыслом. Этот тонкий джентльмен обладает коллекцией высокопарных и расхожих комплиментов. Он преподнес их мне с таким выражением, как если бы ожидал, что я сумею с полной серьезностью оценить их. Стоит ли удивляться, что воображение мужчин занято главным образом нами. Ведь они убеждены, что наши уши

предназначены только для того, чтобы выслушивать и оболящать теми легковесными, как пена зарядами, которые выпускаются ими под названием комплиментов и свидетельствуют о том, какие это горе-стрелки. Сегодня у нас была с визитом мисс Стевенс. Она дочь полковника Стевенса, весьма достойного человека. Она кажется очень благоразумной, без тени аффектации. Кузина говорит о ее незаурядных познаниях, главным образом, благодаря чтению. И тем не менее, в ней не заметно ни малейшего тщеславия, обыкновенно неразлучного с желанием выказать свою ученость. С нею приехала мисс Дармингтон. Они состоят в родстве. Я нахожу, что эта молодая леди обладает изрядным поэтическим вкусом. Мистрисс Риивес убедила ее показать три вещички. Первая называлась "На расставанье двух влюбленных", следующая посвящалась заходу и восходу солнца, а третья была написана "На смерть любимой коноплянки". Это звучит слегка патетично для такого случая; с тех пор как мисс Дармингтон потеряла самого близкого друга, мне представилось, что она решилась исчерпать в этой пьеске всю полноту волнующей ее темы; и должно быть, она заимствовала некоторые образы для того, чтобы усилить всю глубину постигшего ее несчастья при описании смерти маленькой певуньи. Однако, в целом получилась премиленькая вещица.

Четверг, утро.

Сегодня вечером у нас за ужином была леди Бетти Вильямс. Это весьма приятная женщина, вдова очень достойного человека, близкого родственника мистера Риивеса. Она пользуется большим и заслуженным уважением моего кузена, который советуется с ней во всех важных делах. На вид ей больше сорока; у нее сын и дочь, но они воспитываются за границей. Молодому джентльмену около семнадцати; его сестре пятнадцать; как я поняла, это очень живая девочка.

Леди Бетти была так добра, что уделила мне большую часть времени. Она высказала желание разделить со мной все ожидающие меня здесь развлечения. По ее наблюдениям люди, часто бывающие в обществе, черпают такую радость от сопутствующих им лиц, как если бы они были их собственностью. Я отнюдь не испытываю недоверия к леди Бетти, и благодаря ее заботам, побываю на маскараде и музыкальном вечере, когда начнется сезон. К этому вре-

мении уже начнутся балльные вечера, рауты и т.д.; и что касается этих последних, мне необходимо приобрести некоторые навыки, т.е. обучиться господствующим здесь модным играм. Что бы подумала моя дорогая бабушка, если бы двадцать или тридцать лет назад ей пришлось услышать о настоящей необходимости пригласить помимо учителя танцев, пения и музыки еще и учителя модных игр, без которого воспитание женщины не может считаться завершенным?

И теперь, Люси, смогли бы Вы повторить Ваше пожелание, чтобы я вернулась с неискушенным, нетронутым сердцем? Вас не испугает, что мне предстоит сделаться современной изысканной леди? И, если к завершению Вашей тревоги, словно для того, чтобы укрепить зародившиеся подозрения, Вы обнаружите, что я предпочитаю наимоднейшие развлечения или даже оперу, поскольку я люблю музыку, прекрасной пьесе нашего любимого Шекспира, тогда, Люси, пострадайте за Вашу Харриет.

Джеймс высказал Салли пожелание, чтобы ему позволили вернуться в дом Селби. Поэтому я не купила новые ливреи, в которые хотела переодеть его по приезде в город. Мне тяжело выносить, когда у слуги угрюмое лицо; и когда он в разговоре со мной, несколько не поступаясь своими манерами, высказал пожелание вернуться, я решила расстаться с ним, как только мистрисс Риивес подберет мне другого слугу. Несколько слуг уже приходили ко мне с предложениями, но поскольку я знаю, что эти люди всегда стремятся реконструировать характер хозяина для своих удобств, то не особенно спешу с выбором. Мистер и мистрисс Риивес так добры ко мне, а их слуги с такой готовностью делают все необходимое, что право, у меня нет надобности беспокоиться из-за отсутствия человека, который отвечал бы моему складу. Я только тогда решусь иметь собственного слугу, если грандмама отпустит для меня своего Оливера, поскольку теперь, когда он женился на Эллен, его готовность перейти ко мне не вызывает у нее сомнений (также, как и его услужливость); в этом случае Джеймс смог бы занять место Оливера, а последний продолжать свою службу у меня.

Кажется, я уже перешла пределы дозволенного, и вы, наверное, ждете, когда же это письмо закончится? Совершенно согласна с Вами.

С почтением и любовью, которые неизменно ощущаю, когда думаю о Вас. Примите мои уверения, дорогая Люси, в искренней преданности.

Харриет Байрон

ПИСЬМО IV — М-р Селби к мисс Байрон.

Ну, теперь, помимо лондонских обожателей на сцену выступают еще и другие желания и ярмарка тщеславия, поистине, может считаться открытой. Гревилл восхваляет, Фенвик превозносит, Орм обожает Вас: один приходит с предложением о браке; другой шлет Вам письма. Чего только я не навидался, включая потоки всяческой лести и чепухи за эти три с половиной года, с тех пор, как молодой М-р Элфорд взялся давать танцевальные уроки. Конечно, дожив до двадцати лет, хорошо оставаться незамужней, когда выбор вздыхателей настолько велик, что не знаешь, с кого начать.

Но Харриет, моя Харриет, послушайте Вашего простого, незамысловатого дядю, который любит свою племянницу, как ни один отец не любил дочь: Ваши недостатки, равно как и Ваше тщеславие, мне решительно не по душе. Я доволен своей способностью судить о моих друзьях по их заслугам. Ведь Вы знаете, что Ваша тетушка, полновластно распоряжающаяся в моем сердце, ценится мною по-разному, — когда больше, когда меньше, — в меру своих поступков и добродетелей. Но для всех Ваших родственников их Харриет, конечно, существо идеальное. Как же! Ведь они имеют честь состоять в родстве с Вами, и ставят себе это в особую заслугу. Все эти чрезмерные восхищения (не буду стесняться в выборе выражений, которые нахожу нужными) порождают неоправданные оценки и преувеличения, да и как же иначе: ведь все вы принадлежите к одному полу. Поэтому мои обвинения преимущественно нацелены на тот пункт, который служит для всех вас объединяющим началом и является источником этих славословий.

Одна превозносит Ваш здравый смысл. Другая восхищается Вашим великодушием. Третья "без ума" от Вашего живого ума даже в тех случаях, когда Ваш дядя, кроме того, что Вы довольно дерзкая девчонка, ничего здесь не видит. Но всякий раз, когда я пытаюсь высказать всё, что я думаю даже о самой лучшей представительнице вашего пола, вы пользуетесь ревностной поддержкой

тетушки. По временам, похвалы расточаются в адрес Вашей скромности. А то вдруг делается открытие, что изысканность Ваших черт не уступает их правильности. Я полагаю, что со своей стороны успел изучить их все вместе и порознь. Мнение мое таково, что Ваше обаяние является следствием того открытого и живого выражения, которое убивает нас, мужчин, с первого взгляда. Да покажите мне еще такую красоту, которая, можно сказать, совершенствуется и изменяется у вас на глазах; которая при каждой встрече с нею создает впечатление, будто ты видишь ее впервые.

"Мой корректирующий дядя", — так зовете Вы меня. Что ж, я не отказываюсь. Но каков смысл моих стараний, когда все окружающие, вплоть до ребенка, только и делают, что раздувают Ваши достоинства? Почему я должен слушать, как незнакомые люди говорят: "Этот тот М-р Селби, который приходится дядей известной мисс Байрон?". Я, проживший пятьдесят лет в этой деревне, могу, кажется, рассчитывать, чтобы меня ценили ради меня самого, а не в качестве Вашего дядюшки.

Не верьте своим друзьям, которые твердят, что Вы застрахованы от малейшей неприятности. Я очень хотел бы этого, но я не могу согласиться с ними. Ведь что-нибудь да заставит Вас немножко призадуматься, почувствовать, что жизнь зависит от возможных напастей. Ваши дни не всегда будут безоблачны. Я бы дал тысячу фунтов и впридачу свою душу ради Вашего счастья и любви. Но ведь здесь, как ни крутись, а себя не перепрыгнешь. Вам еще далеко до тридцати, дитя, и у Вас, действительно, есть основания считать, что время опасностей не пришло. Я рад, что Вы все-таки сознаете опасность, моя дорогая.

В одном из писем, Вы спрашиваете Люси "не говорил ли М-р Гревилл, что для женщины лесть дороже еды?". А что же, племянница, Вы сможете возразить на это? Разве не так? "Сила мужчин, — пишите Вы, — кроется в слабости женщин". Разумеется. А где же еще? И все это проистекает от их любви к восхищению и лести. Мне приятно было прочесть, что "женщина, не вступившая в брак, наполовину обесценивает свою жизнь". Милая девочка! Это как раз то самое, что составляет и мое убеждение, и чему я буду верен и впредь. Должен сообщить, что получил еще одно предложение, касающееся Вас. Но я не буду говорить об этом, поскольку мы

решили не затрагивать в наших беседах темы любви и замужества.

При всех Ваших недостатках, я должен любить Вас.. Мне отчасти стыдно признаться, как много промахов я допустил в отношении Вас. Мы натурально, бодрне, неунывающие люди: тем не менее, я не могу объяснить, как это получается, что Ваше отсутствие за столом породило нечто похожее на пустоту. Мы хотим чаще получать известия от Вас; это, все-таки, кое-что. Ваша бабушка в настоящее время живет у нас и втайне, я уверен, горюет. Но поскольку Ваши нежные чувства, которые Вы питаете к ней, так долго удерживали Вас от поездки в Лондон, то она считает, что это должно скрасить для нее разлуку. Ее поведение служит образцом для всех нас и в частности для Вашего искренне любящего (хотя и корректирующего) дядюшки Джорджа Сэлби.

ПИСЬМО У Мисс Байрон к мисс Сэлби.

Мне придется, дорогая Люси, вопреки своим намерениям, выполнить и третий наказ, данный при расставании друзьями; с некоторых пор джентльмен, принадлежащий к весьма известной фамилии и с хорошим состоянием, начал оказывать мне очевидные знаки внимания. Чтобы не искушать Ваше терпение тщеславным предисловием, скажу сразу, что его имя — Фовлер.. Он молод, обладает большим и независимым состоянием, которое в будущем обещает возрасти, благодаря его дяде из Уэлса, сэра Ровленду Мерциту, находящемуся сейчас в городе.

Сэр Ровланд, кажется, требует от своего племянника, чтобы тот, под страхом лишения его благоволения, не вступал в брак без его согласия, на которое тот может рассчитывать лишь в том случае, если его избранница будет обладать несомненными преимуществами религиозного воспитания, ибо по его мнению, это наилучший залог ее достойного поведения, как жены и матери, имеющей понятие о семейной добродетели, и без колебания готовой выполнить свой долг. Поскольку племянник будет хорошо обеспечен, сэр Ровланд объявил, что состояние невесты для него не самое важное; он полагает, что если она будет иметь доход от шести до десяти тысяч фунтов, то этого вполне достаточно для доказательства, что она принесла с собой не только одну любовь.

Это по его словам, явится свидетельством порядочности семейства невесты, которое покажет, что оно готово взять на себя часть обязанностей жениха. Вы, наверное, подумаете, что во всем этом проявляется какая-то скрупулезная предусмотрительность, чрезмерная благоразумность почтенного рыцаря. Но я совсем забыла, что его будущая племянница, кроме того, должна быть еще и красавицей. Он судит об этом так же, как о разводимых им лошадях, и собачках. Его утонченные сравнения степеней благородства изобличают знатока племенного животноводства. Сам сэр Ровланд старый холостяк и потому желает, чтобы рядом была женщина в качестве его племянницы. М-р Фловелер видел меня у моей кузины Риивес. Я не могу сказать, что как человек он не располагает к себе, но он, повидимому, хочет, чтобы я вполне осознанно воспринимала внушаемое им чувство обожания и дала обет любви и верности. Я всегда намеревалась, выйдя замуж, быть верной и даже послушной женой. И поэтому, как ни толкуй, я бы не смогла вступить в брак с человеком, который полагает возможным подменить жизнь сердца рассудочным знанием: ведь это внесло бы неустойчивость и колебания в исполнение моего супружеского долга. Напротив, я проявила бы неблагоразумие, уступив человеку, способному требовать осознанного отношения к своим причудам. Я тотчас заметила, что М-р Фовелер смотрит на меня с необычным вниманием. На следующий день он явился снова и умолял М-ра Риивеса помочь добиться моего расположения, причем ни разу не спросил, каким я располагаю состоянием. Зато он весьма подробно охарактеризовал свое собственное. Это можно понять, ибо он действительно располагает превосходным состоянием. М-р Риивес, который имел о М-ре Фовелере самое хорошее мнение, в ответ на его вопросы отвечал, что я по всей вероятности пока еще свободна, и не имею каких-либо серьезных привязанностей. Он сообщил ему всё, что необходимо знать в таких обстоятельствах и в частности о внимании и поддержке, которыми я окружена в семье, о моем добром М-ре Дине, а также и о всех полученных мною брачных предложениях.

М-р Фовелер необычайно встревожился, когда мой кузен сообщил, что моя бабушка, тетя и М-р Дин, когда речь заходит о предложениях этого рода, считаются только с моей волей и ни-

когда не пытаются повлиять на нее; его охватили тягостные предчувствия, и он усомнился в своей способности привлечь мое внимание посреди стольких соперников.

Если вы питаете какую-либо надежду М-р Фовлер, — отвечал М-р Риивес, — то предпочтительнее всего было бы основать ее на доброте, свойственной вашему характеру, а также на преимуществе, связанных с вашим превосходным состоянием и великолепными видами на будущее. Хотя по своей натуре мисс Байрон не способна испытывать упоенность, которую могло бы внушить ей возрастающее число восхищенных поклонников, но тем не менее, весьма естественно предположить, что это увеличивает трудности при известного рода отношениях; нелишне также уведомить вас, что упомянутые трудности возрастают еще и от той доверенности, которой пользуются ее друзья, чье влияние несомненно руководит ее благоразумием. И когда я сообщил ему, — продолжал М-р Риивес, — что Ваше состояние даже превышает ту сумму, которую сэр Ровланд полагал приличной для жены его сына, и что Вы, в силу своих наклонностей и полученного воспитания, обладаете глубоким и серьезным характером, — "о, для чего такой избыток, такой избыток!" — вскричал он. По его словам было бы гораздо лучше, если бы у Вас не было ни одного шиллинга; и если бы при этом он смог удостоиться вашего благоволения, то почитал бы себя счастливейшим человеком в мире".

На следующее утро сам сэр Ровланд явился, чтобы засвидетельствовать свое уважение М-ру Риивесу.

Почтенный рыцарь, по всей вероятности без каких-либо проволочек, объявил о цели своего визита и сказал, что он был бы счастлив видеть меня лично. Я ничего не знала о присутствии этого дженльмена, также как и о его деле. Мы только что спустились к завтраку. Вместе с нами находились мисс Аллестри, мисс Брамбер и мисс Долинс, — молодая леди, отмеченная несомненными достоинствами. Как только мы уселись, М-р Риивес ввел сэра Ровланда, который, однако, не был осведомлен, кто из присутствующих дам мисс Байрон. Поместившись за столом, он попеременно стал всматриваться в наши лица. Остановив свой взгляд на мисс Аллестри, он подтолкнул локтем М-ра Риивеса и громким шепотом спросил: " , ?". М-р Риивес хранил молчание. Сэр Ровланд, будучи близоруким, нахмурившись, посмотрел на

мисс Брамбер, затем на мисс Долинс и, наконец, его глаза устремились в мою сторону. " , ?" — прошептал он снова. Он едва высидел все то время, пока продолжалось чаепитие, испытывая нетерпение столь же сильное, как и обуревавшие его сомнения. И, наконец, ухватившись за одну из пуговиц М-ра Риивеса, он высказал желание переговорить с ним наедине. Они вышли; и не отпуская пуговицы М-ра Риивеса — "клянусь моей жизнью, — воскликнул рыцарь, — надеюсь, что на этот раз я угадал. Я люблю моего племянника, как самого себя. Я живу только ради него. Он всегда оказывал знаки покорности и почтительности мне, его дяде. Если мисс Байрон есть та самая особа, которая сидит по правую руку от Вашей супруги, с выражением лица, рожающим представление о сферах, где водятся ангелы, с глазами, искрящимися жизнерадостным смехом, с цветущей свежестью майского утра, то дело сделано. Я даю свое согласие. Хотя ни одного слова не слетело с ее губ, но даже в молчании я ощущаю присутствие ее ума. Мой мальчик будет обладать ею. Остальные молодые дамы тоже очень милы, но если дело каснется женщины, которая должна войти в круг нашего родства, будучи любимой, то он должен обладать именно этой леди. Она затмит всех дам у нас в Каермартене, а ведь они на редкость хороши. Ну-с, М-р Риивес, угадал я предмет моего племянника, как здесь ~~принято~~ принято говорить?"

"Леди, которую Вы старались описать, сэр Ровланд, зовут мисс Байрон".

— Благодарю Тебя, Боже! Благодарю Тебя, — отвечал рыцарь. — Не вернуться ли нам обратно? Я что-нибудь скажу ей с тем, чтобы вызвать на разговор. Хотя слово, само по себе, не в состоянии обрисовать ее сущность. Важно услышать звук ее голоса, который подобно музыке раскроет невыразимое! Позвольте мне заметить Вам, м-р Риивес, что сообразуясь с благозвучными или резкими тональностями ее голоса, я смогу оценить сердце, почувствовать душу и подлинный характер этой леди.

Они вернулись к нам и снова сели за стол. Сэр Ровланд (его лоб разгладился и лицо сияло), видимо, полагал, что он сможет на первых порах скрыть за словами свою главную цель. Поэтому, нарушив воцарившееся молчание, он начал: 4бударыни,

когда мы вошли, вы, кажется, были увлечены беседой. О чем бы ни шла речь, прошу вас, продолжайте". Его уверили, что разговор уже закончился. Сэр Ровланд как будто испытал некоторое замешательство. Затем М-р Риивес спросил, как долго он предполагает оставаться в городе. Он рассчитывал, — отвечал М-р Ровланд, — в течение недели управиться со всеми делами. Однако, случилось одно непредвиденное обстоятельство, потребовавшее таких трудов, которые вряд ли могут быть закончены даже через две недели.

"Кроме того, — продолжал он, — меня удерживает здесь только что построенный дом, который я предназначаю в подарок племяннику, когда он женится. Хотя я и простой человек, но мне кажется, могу верно судить о вкусе и красоте. (сэр Ровланд теперь разошелся вовсю). Все, чего я желаю, так это, чтобы счастье прочно поселилось в доме моего племянника. Ах, сударыни, мне нужно только одно: чтобы одна из вас стала его женой".

Мы улыбнулись и посмотрели друг на друга.

"Вы, молодые женщины, — продолжал он, — в известных положениях имеете над нами громадные преимущества, и власть этих преимуществ (я слишком мало размышлял о них, пока сам не очутился в подобном же положении) одинаково сильна, говорим ли мы о наших близких, или о нас самих. Но с Вашего согласия, мадам, — к мистрисс Риивес — и с Вашего согласия, сэр, — к мистеру Риивесу, — позвольте мне обратиться к этим леди. Среди них я должен отыскать свою племянницу. Мой племянник, что там ни толкуй, относится к числу тех мужчин, которых любая женщина может удостоить своей любовью; зайдет ли речь о его состоянии, — я умножу его, прибавив свое собственное, как если бы он был моим сыном, так что если бы его невеста была бы даже герцогиней, никто бы не усмотрел никаких препятствий с этой стороны к брачному контракту."

Мы продолжали молчать и с улыбкой переглядывались.

"В таком случае, если позволите, я бы хотел обратиться к одной из сидящих передо мной леди, а именно к той, что с правой стороны. В ее взгляде столько прелести и добросердечия, — хм, — простите меня, мадам, но я уверен, Вы не сочтете за дерзость, если я попрошу Вас ответить на мой вопрос: Вы, действительно, абсолютно незаняты?"

"Такого рода вопрос, сэр Ровланд, — отвечала я, — не составляет для меня никакого труда. Со всей откровенностью признаюсь Вам, что я свободна".

"Чудесно, чудесно! Мерси! Какая, однако, благородная искренность послышалась мне в таком ответе! Но, шутки в сторону! Вы можете смеяться, леди, но я надеюсь, мадам, что Вы сказали правду и я могу быть уверенным, что Ваше сердце еще свободно от привязанностей."

"Вы можете, сэр Ровланд. Я не люблю, даже в шутку, говорить неправду."

"Восхитительно! Но позвольте мне выразить надежду, что Ваше сердце не останется в таком состоянии слишком длительное время. Клянусь моей жизнью! Прекрасная душа. Как радостно видеть этот чарующий румянец на прелестнейших в мире щеках. Господи, не гневайся на меня за то, что я дерзнул в немощных словах воссоздать образ, сотворенной Тобой красоты. Нет, нет, я не рискну идти дальше. Простите меня, сударыни. Во всем, что здесь произошло, нельзя усмотреть ничего, что могло бы бросить тень пренебрежения на других дам. Дальше ни шагу. Но, мадам, не будете ли Вы столь великодушны, чтобы позволить мне пригласить сюда весьма достойного и приятного молодого человека? Позвольте мне ввести его: это мой племянник. Ваши взгляды свидетельствуют о благоволении. Возможно, Вы уже видели его. И если Вы, действительно, свободны, то я не вижу причин, которые могли бы питать Ваше нерасположение к нему. Я убежден в этом. Мне уже известно, что в некоторой, весьма существенной сфере, никто не обладает привилегией давать Вам советы и доверять над Вашей волей".

"Самый лучший контролер, от которого мы только и зависим, это наш разум, сэр Ровланд".

Клянусь жизнью, превосходный ответ. О, мадам, я больше не сомневаюсь, что Вы преисполнены той самой благодатной одухотворенности, которая светится в Ваших глазах. Стоя рядом с Вами, я испытываю желание снова стать молодым человеком! Но, мадам, скажите, сочтете ли Вы возможным позволить моему племяннику нынче же посетить Вас? Дела, связанные с состоянием, следует решать сразу же. Если бы Вы не обладали ни одним шиллингом, я мог бы только радоваться такой племяннице: это было бы даже больше того, о чем я смел мечтать до сих пор. Мой

племянник — рассудительный человек, умеренно благомыслящий человек. Его собственное состояние весьма порядочно: чистый доход составляет 2000 фунтов ежегодно. Я намерен присоединить к этой цифре свою долю, намного превышающую ее. Пусть все собравшиеся здесь явятся свидетелями: я никогда не отступаю от своих обязательств. Здесь все знают, что слово сэра Ровланда Мердита так же твердо, как его долговые обязательства во всякое время. Я люблю делать свои дела открыто. Для меня самое великое благо быть искренним и честным во всем. Нерешительность, колебания не в моей натуре. Что говорит нам пословица?

"Счастье срывай на ходу.

Раздумье приносит беду".

"Но, сэр Ровланд, — возразила я, — есть и другие поговорки на вашу. Вы намекаете, что я уже видела упомянутого Вами джентльмена. Однако, еще ни разу в жизни мне не встречался человек, чьи ухаживания заслужили бы мое поощрение".

"О, такой ответ делает Вас еще более заманчивой. Нет ничего легкомысленнее любви с первого взгляда. Клянусь жизнью, Вы уже давно были бы пойманы, если бы с легкостью отвечали взаимностью на вызванное Вами чувство. Клянусь жизнью, Вы само совершенство. И независимо от того, какую участь уготовите Вы моему мальчику, я сам буду ухаживать за Вами. Хорошее состояние дает человеку уверенность. Я не шучу. (Одна рука джентльмена уперлась в бок, в то время, как другая непрерывно размахивала). Уверю Вас, я еще не встречал женщины, которая могла бы так завоевать мое сердце."

"О, сэр Ровланд, я полагала, что Ваша мудрость оградит Вас от искушения так быстро подчиниться первому впечатлению. Вы же знаете, нет ничего легкомысленнее любви с первого взгляда".

"Превосходно! Поистине восхитительно! Я знал, что Вы можете выказывать свой ум в самых различных ситуациях; теперь же я убедился, что Вы еще и обладаете мудростью. Знаете ли Вы, сударыни, что ум и мудрость — две разные вещи, весьма редко встречающиеся вместе у одного и того же лица. Разумеется, я простой, обыкновенный человек (тут он осмотрел себя с обеих сторон и затем расстегнул две пуговицы сюртука, чтобы показать нам золотой шнур, извивающийся по его жилету), но однако же,

я должен сказать Вам, что я не терял понапрасну отпущенное мне жизнью время. У себя в Уэлсе я пользуюсь, хм, заслуженным уважением. Но не буду заниматься самовосхвалением. Клянусь жизнью, мне больше всего хочется, чтобы мой язык обрел способность выразить совершенство молодой леди. Однако, я замечая, что вы тоже воздаете ей должное. Полагаю, с моей стороны будет излишне оправдываться перед молодыми леди за особое внимание, оказанное одной из них. Я желал бы иметь столько племянников, сколько здесь молодых особ с незанятым сердцем: милостью проведения мы могли бы все породниться".

"Благодарю Вас, сэр Ровланд, — улыбаясь отвечала ему каждая из молодых леди, забавляясь его чудачеством."

После этого, наш разговор коснулся некоторых, поистине деликатных предметов, и когда я рискнула заметить, что могла бы составить невыгодное мнение о человеке, который позволил себе даже в кругу одних мужчин выказать то, против чего может восстать женский слух; и что подлинно целомудренное сердце, будь то мужчина или женщина, останется целомудренным в любом обществе и даже в любой ситуации, то старый рыцарь воскликнул: "Клянусь жизнью, Ваши суждения превосходны, мадам! Именно это я и ~~ждал~~ жаждал услышать от Вас. Это налагает на мои уста и на уста всех присутствующих молчание. Ваша жизнь должна протекать в самом достойном, избранном обществе. Мерси! Ничего подобного я не слышал еще ни от одной столь же молодой женщины! Какое благо, какую славу взрастили те, кто в свое время приложил руку к Вашему образованию! Почему я не родился тридцать лет назад?! Я мог бы сам быть согрет хоть какой-нибудь надеждой. Теперь же только мой племянник может надеяться быть согретым ею. Но, м-р Риивес, одно слово только Вам, м-р Риивес. Я прошу извинить меня, леди, но важное дело послужит мне оправданием; мне необходимо немедленно покинуть город. Одно слово, м-р Риивес".

Джентльмены покинули нас, поскольку завтрак уже был закончен; старый рыцарь открыл свое сердце м-ру Риивесу и умолял войти в его интерес. После этого он попросил м-ра Риивеса, чтобы тот склонил меня уделить ему завтрашний вечер. Но когда м-р Риивес счел желательным отсрочить свидание до вечера следующего понедельника, он настоятельно ~~еще~~ упрашивал

его о помощи и содействии, дабы столь большой промежуток времени не был потерян напрасно, как он выразился.

Вот, Люси, подробный отчет обо всем, что касается обстоятельств, способствовавших появлению нового покорного слуги, как любят себя называть те джентльмены, которые затем становятся нашими господами.

Сегодня уже пятница. Мы только что отобедали с леди Бетти. Если нынешний день принесет еще какие-нибудь забавные происшествия, достойные попасть в следующее письмо, то приятное развлечение, ожидающее Вас, будет удвоено привязанностью, которую всегда испытывает к вам, любящая Харриет Байрон.

ПИСЬМО VI. Мисс Байрон к мисс Селби.

(продолжение)

Пятница. Вечер.

Минувший день, моя Люси, принес немало развлечений: по правде говоря, я вовсе не предполагала, что он окажется столь интересным.

Леди Бетти приняла нас с необыкновенной учтивостью. Она ввела нас в окружающее ее общество, и представила меня в самом выгодном свете. Здесь, прежде всего, я должна упомянуть о мисс Кантиллон. Она очень миловидна, но, повидимому, горда, склонна к рисовке и самонадеянности. Затем, мисс Клементс, скромная, но обладающая тонкой восприимчивостью, еще более усовершенствованной чтением. Не имея явно выраженных преимуществ, которыми можно было бы гордиться, она тщательно воздвигала свое духовное начало и одним этим получила в общем мнении предпочтение над мисс Кантиллон. И, наконец, мисс Варневелт, мужеподобная внешность которой вполне оправдывалась складом ее ума и всеми повадками; характер ее выказывал грубую решимость, дерзость, развязность, даже свирепость, когда она ополчалась на кого-либо в свою защиту; весь ее вид выражал такое непобедимое презрение к своему собственному полу, что можно было поистине поражаться той степени отваги, с которой она снисходила до необходимости самой носить нижние юбки. Джентльменов звали Вэлдон и Синглетон. Первый принадлежит к семейству взысканных удачей оксфордских школяров, привлекая внимание смесью эксцентричности с откровенной самоуверенностью,

заставляющей презирать каждого, кто не обладает преимуществом университетского образования. М-р Синглетон совершенно безвредный человек, — среди знакомых он кажется служит настоящей мишенью острот, связанных, повидимому, с его именем, хотя чрезмерность этих насмешек представляется вовсе незаслуженной: его постоянный добрый юмор, кажется, дает право на более достойное обхождение и это тем более справедливо, что он очень скромен, умерен в своих проявлениях и полон готовности признать свое несовершенство по сравнению с каждым из окружающих его приятелей; он всегда приветливо встречает каждую шутку, рассчитанную на то, чтобы вызвать подчеркнутое одобрение и один из первых дарит свои похвалы красноречивым выходкам остроумов. Тем не менее, следует признать, что иногда он ошибается, принимая за шутку то, что вовсе таковой не является. Этот джентльмен располагает весьма хорошим состоянием, которое само по себе может сгладить многие дефекты. Он, как уже было замечено, умеет превосходно распоряжаться своим капиталом и никто не сможет понять его интересов лучше, чем он сам. Несомненно, что друзья прекрасной Кантиллон ничего не имели бы против ее союза с этим джентльменом. Но мне, будь я его сестрой, было бы куда желаннее, если бы в своем выборе он обнаружил бы подлинную проницательность и отдал предпочтение более достойной Пульхерии Клементс (леди Бетти такого же мнения), чьи доходы отнюдь не малы и чья, граничащая со смирением скромность, будучи праведно вознаграждена его состоянием, освятит их союз своею признательностью. Разумеется, никому не придет в голову размышлять о муже для мисс Варневельт. Она, что называется, сама не уступит иному молодому мужчине и в один прекрасный день захочет, пожалуй, подыскать для себя жену. И в самом деле, она могла бы по-настоящему оценить свои достоинства только в союзе с женщиной, поскольку выйти замуж и стать чьей-то женой она не в состоянии. Не правда ли, удивительное создание, дорогая Люси?

Таково было общество, окружавшее леди Бетти перед нашим приходом. Едва успели спихнуть взаимные любезности, как покинувшая нас леди Бетти, появилась в сопровождении джентльмена, который мог бы, наверное, стать желанным гостем в любом обществе. Это был сэр Хагрейв Поллексфен. "Он, — шепнула мне леди

Бетти, в то время как вошедший галантно приветствовал собравшихся, — молодой баронет с громадным состоянием, большая доля которого перешла к нему совсем недавно, после смерти бабок и двух очень богатых тетюшек". Когда нас представили друг другу, он сделал мне немножко комплиментов и затем добавил: "На последних в Нортхэмптоне я был много наслышан о мисс Байрон, но я совсем не предполагал, что все рассказы поблекнут по сравнению с тем, что я увижу". После этого баронет, желая еще более подчеркнуть свою учтивость в глазах леди Бетти, заметил, что она должна отнести дерзость его неожиданного вторжения на счет мисс Байрон, поскольку его известили, что последняя находится именно здесь. На что леди Бетти возразила, что каковы бы ни были руководившие им мотивы, он никогда не утратит ее расположения; и что всё собравшееся общество будет вдвойне обязано мисс Байрон за этот визит.

Сэр Хагрейв Поллексфен красив и благовоспитан, он достаточно высок, в возрасте 30 лет. Цвет его лица несколько светел для мужчины и, пожалуй, переходит в некоторую бледность. У него замечательные, в своей дерзкой устремленности, глаза, выражение которых можно было бы передать словами "наивно распахнутые"; и он весьма искусно соотносит свои манеры с этим выражением. Леди Бетти, улучив момент, когда он отвернулся, сообщила мисс Кантиллон, что более чудесных глаз, чем у сэра Хагрейва она не видела ни у одного мужчины. Обаяние мужества сливается в них с непередаваемой многозначительностью.

Он весьма многоречив, но это скорее проистекает от его самоуверенности, чем от обилия мыслей. Тем не менее, в его разговорах, кажется, проблескивает ум, и если бы он смог заставить себя побольше слушать и поменьше говорить, он, вероятно, снискал бы подлинное признание, в котором он столь безоговорочно уверен. Но поскольку во всех его речах не присутствует и тени сомнения, и он возбуждает смех тем, что первый смеется от удачно высказанного сравнения, то это создало ему репутацию приятнейшего собеседника среди тех, кто способен утолить мысль в исполненных веселья выходках. Сэр Хагрейв, кажется, путешествовал в свое время, но, должно быть, за границей он столь успешно усовершенствовался во всякого рода безрассудствах и жеманстве, что стал поистине недосягаем.

Вкус нашего времени выказывается, прежде всего, в одежде; неудивительно поэтому, что такой человек как сэр Хагрейв стремится превзойти в этой области всех и каждого. Что может быть тягостнее зрелища, чем человек прикрывающий одеждой изъяны своего духа? Его модное платье приобрело бы куда большее значение в моих глазах, если бы он сумел скрыть тревожную озабоченность, терзавшую его перед приходом сюда. Я поняла это, наблюдая, как он старался не уронить своего достоинства и сохранить в глазах окружающих безупречность манер: он не пропускал ни одного зеркала, проверяя свое отражение. Таков этот человек — сэр Хагрейв Поллексфен. Он удобно расположился возле деревенской девочки и стремился превзойти самого себя, рассыпая перед ней цветы своего красноречия; речь его лилась не умолкая, так что я не могла даже вставить слово, чтобы убедить его в ненужности всех этих усилий, по-видимому, я рисовалась ему этаким прелестным простушкой, совсем еще зеленой и, несомненно, доверчиво глупенькой. Выражение его лица свидетельствовало о несомненной уверенности в моем восхищении. Я внимательно приглядывалась к нему и в какой-то момент мой глаз подстерг промелькнувшую на его лице жалость к бедному влюбленному сердцу, которое, как он полагал, испытывало смещение перед его чарами. На самом же деле меня в это время занимала мысль, что если вследствие какой-то суровой игры мне надлежало ~~принять решение остановить свой выбор на нем или~~ бы остановить свой выбор на нем или м-ре Синглетоне, то какая чаша могла бы перетянуть?

Приглашение к обеду избавило меня от его неумеренного внимания: ему пришлось занять место в другом конце зала. Во всё время обеда сэр Хагрейв был объектом предпочтительного внимания м-ра Валдена, который бросал на него исполненные высокомерия взгляды и встречал каждое слово баронета (а тот был весьма скуп на паузы) с едва скрываемым презрением. В его гримасах заключалось столько всяческого негодования, что мне было трудно поверить, как одно и то же лицо могло выражать такое разнообразие оттенков. Никогда прежде я не предполагала, что различие между светским человеком и ученым мужем способно проявиться в столь разных формах, когда эти два джентльмена после обеда вступили в разговор. Один из них, казалось, поклялся ни в чем не уступать, в то время, как другой изо

всех сил стремился продемонстрировать свою благожелательную сдержанность; он не жалел усилий, чтобы всякий раз, когда возникала какая-либо непреодолимая трудность, внести в вопрос свое собственное понимание.

Между прочим, Люси, не кажется ли Вам, что большая часть сильного пола, обладающего энергией творчества, в действительности не далеко ушли в своей мудрости от нас, глупых женщин? Иными словами, чрезмерная мудрость находится на таком же расстоянии от подлинного ума, как и умеренная глупость! Но молчание! Я чувствую, как в этом месте мой дядюшка грозно устремляет на меня свой взгляд.

После обеда М-р Валден, не желая более оставаться в тени из-за вызывающе-дерзкого поведения светского человека, пустил в ход свою ученость.

"Прошу прощения, сэр Хагрейв, — начал он, — говоря о любви и красоте, Вы только что высказали одну мысль, которую, как мне известно, можно найти только у Тибулла". (затем, он в напыщенной манере продекламировал стихотворение и, сделав паузу, обвел глазами нас, женщин). "Какому из университетов была оказана честь усовершенствовать ваши познания, положить на них последние штрихи, сэр Хагрейв? Я предполагаю, что Вы закончили один из них?"

"Нимало, — отвечал баронет. — Я полагаю, человек может читать Тибулла, а также Вергилия, не заимствуя для своего просвещения блеска университетской учености".

"По моему смиренному мнению, сэр Хагрейв, ни один человек не может заложить прочного основания в какой бы то ни было области знания, если он не окончит курса в одном из наших знаменитых университетов".

"Тем не менее, М-р Валден, я никогда не помышлял об ученой степени. Мой священник — большой знаток по этой части. Я надеюсь, он отлично понимает Тибулла... (здесь он, со свойственной ему непосредственностью, простодушно рассмеялся, в то время как его глаза обращались по очереди ко всем сидящим за столом, вызывая общую улыбку)... и подобно Вам, питомец Оксфорда". И он опять засмеялся, хотя на этот раз в звуках его голоса слышалась скорее насмешка, чем веселье."

Осмелюсь предположить, что в глубине души М-р Валден ис-

пытывал торжество отмищенного самолюбия. Он бросил на него один из тех взглядов, который, будь я на месте баронета, омрачил бы мое существование на весь день, тем более, если бы он исходил от уважаемого мною человека.

Глаза сэра Хагрейва были слишком заняты выражением лиц, сидевших за столом дам, от которых он надеялся получить одобрение, для того, чтобы замечать или придавать значение взглядам мужчин. И в самом деле, его пренебрежение м-ром Валденом несколько не уступило презрению последнего. "Каково Ваше мнение, очаровательная мисс Байрон, — спросил баронет. — Разве человек с состоянием, хотя и не получивший образования с изящной университетской отделкой, не может сыграть достойной роли в общественной жизни и обнаружить незаурядные качества пылкого поклонника, несколько не уступающего тому, кто окончил университетский курс?"

"Мир, сэр Хагрейв, — неохотно отвечала я ему, — мне уже приходилось слышать, что его тоже называют университетом: но разве ученые или те, кто получили изысканное образование, могут иметь более возвышенную цель, чем возможность улучшать человеческие нравы и делать людей щедрыми и добрыми?"

"Мир — это университет, — повторил М-р Валден. — А что, собственно, — продолжал он, смерив презрительным взглядом фигуру сэра Хагрейва, — я не могу не согласиться, что мир производит весьма достойных школяров — для дам!"

Баронет вспыхнул, обливаемый презрением студента, и я подумала, что мне следует вмешаться для того, чтобы предотвратить вспышку от нарастающего между собеседниками напряжения.

"А разве женщины, м-р Валден, — начала я, — не составляют половину, быть может, не самую достойную, но все же половину человеческого рода? И разве не достойно жалости, сэр, что знание, получаемое в меньшем университете, заставляет человека презирать того, кто приобрел эти знания в большем, где они могут принести пользу?"

Это смягчило гнев баронета. "Ну, М-р Валден, — сказал он, ликуяще потирая руки, — что вы скажете по поводу этого наблюдения молодой леди? Клянусь душой, оно ничуть не уступает Вашим поучениям".

М-р Валден сделал движение, которое можно было бы истолковать, как усилившийся интерес ко мне и отвечал: "Я Вам признателен, мадам за это, так сказать, наблюдение. Итак, меньший университет..."

"Я преисполнена глубокого почтения, — прервала я его, — к университетскому образованию и ученым людям. Но это такой предмет..."

"От которого вам не следует уходить. Какими учеными языками Вы владеете, мадам?"

"Но, сэр, я не знаю, что Вы имеете в виду, говоря об ученых языках?"

"Греческий, латинский, мадам."

"Как я, женщина, должна знать из латинского и греческого! Я знала только одну женщину, овладевшую этими языками; а она чувствовала себя белой вороной среди остальных птиц, и не пожалела бы ничего, чтобы избавиться от своих обременительных знаний".

"Разве это такая уж неотвратимая закономерность, — вмешалась мисс Клеменс, — что знания, делающие мужчину просвященным, превращают женщину в суетливую и настырную особу? Возьмем, для примера, случай с супругами Даснер."

"Напоминавших кремень и сталь в общении друг с другом", — подсказала леди Бетти.

"Я подозреваю, что в каждом Вашем мужчине спрятан турецкий политик, — продолжала мисс Клементс. — Возле трона не должно быть второго брата. Только та империя может чувствовать себя в наибольшей безопасности, чье величие зиждется на невежестве или неосведомленности ее граждан."

"Нам известно, мисс Клементс, — отвечал м-р Валден, — что Вы необыкновенно начитанная женщина! Но я бы хотел снова обратиться к этой достойной леди, — повернувшись ко мне. — Она именно та женщина, с которой интересно поспорить".

"Простите меня, сэр. Но я не могу вернуть Вам комплимент. Я не буду спорить."

"И тем не менее, мадам, я не в состоянии допустить, чтобы Вы с такой легкостью увернулись от разговора. Слушая Вас, начинает казаться, что в Вашей речи таится большой живописный дар; Вы обнаруживаете мысли, удивительные для столь молодой леди".

"Я не хочу состязаться в споре, сэр".

"Дорогая мисс Байрон, — сказал баронет, — выслушайте, что м-р Валден желает сказать Вам".

Все присоединились к этому требованию. Я молчала, устремив глаза вниз и перебирала руками мой веер. /...../

х х х х х